

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИИЦ (Russia) = 3.939
 ESJI (KZ) = 8.771
 SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)
 International Scientific Journal
Theoretical & Applied Science
 p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)
 Year: 2023 Issue: 06 Volume: 122
 Published: 03.06.2023 <http://T-Science.org>

Issue

Article

Jasurjon Zafarjonovich Artikov
 Moscow State Educational Institution
 a second-year master degree student of the Faculty of Law under MSEI

Natalya Leonidovna Emelkina
 Moscow State Educational Institution
 Scientific adviser
 Associate Professor of the department of criminal procedure and forensic science
azm1977@mail.ru

FUNCTIONS OF PROSECUTION AND DEFENSE IN JUDICIAL INVESTIGATION UNDER THE CONDITIONS OF COMPETITIVENESS OF PARTIES

Abstract: The article dwells on the issue beset with functions of prosecution and defense in judicial investigation under the conditions of competitiveness of parties. It is noted that the Code of Criminal Procedure for the first time delineated the procedural functions of the prosecution, the defense and the powers of the court. Currently, the idea of separating criminal procedural functions, in accordance with the principle of competition, which was previously often rejected, is supported by many prominent proceduralists who managed to explore the relevant issue. It is concluded that the nature and nature of procedural functions are determined by the content of criminal procedural activity, which is heterogeneous. In this regard, the question of the correspondence of procedural functions to the nature of the criminal process can be resolved on the basis of an analysis of the content side of criminal procedural activity.

Key words: functions of prosecution and defense, judicial investigation, competitiveness of parties, the Code of Criminal Procedure.

Language: Russian

Citation: Artikov, J. Z., & Emelkina, N. L. (2023). Functions of prosecution and defense in judicial investigation under the conditions of competitiveness of parties. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 06 (122), 22-27.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-06-122-4> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2023.06.122.4>

Scopus ASCC: 3308.

ФУНКЦИИ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ В УСЛОВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о возложении функций обвинения и защиты в судебном расследовании в условиях состязательности сторон. Отмечается, что Уголовно-процессуальный кодекс впервые разграничил процессуальные функции обвинения, защиты и полномочия суда. В настоящее время идею разграничения уголовно-процессуальных функций в соответствии с принципом состязательности, которая ранее часто отвергалась, поддерживают многие видные процессуалисты, которым удалось изучить актуальный вопрос. Делается вывод о том, что сущность и характер процессуальных функций определяются содержанием уголовно-процессуальной деятельности, которое неоднородно. В связи с этим вопрос о соответствии процессуальных функций характеру уголовного процесса может быть решен на основе анализа содержательной стороны уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: функции обвинения и защиты, судебное следствие, состязательность сторон, УПК.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Введение

УДК – 67.99.02

Разделение трех основных процессуальных функций выступает одним из функциональных признаков состязательной формы уголовного процесса. Следовательно, практическое обеспечение состязательности уголовного судопроизводства требует нормативного закрепления содержания каждой из этих функций.

Для дальнейшего исследования целесообразно подчеркнуть, что мы не согласны с тем, что функции обусловлены ролью и назначением их носителей. В противном случае следовало бы прийти к выводу, что сначала были созданы органы обвинения, защиты и правосудия, а уже затем возникла уголовно-процессуальная деятельность с выделением в ней конкретных направлений — функций. В настоящее время в странах СНГ, в том числе в Таджикистане предпринимаются попытки создать именно идеальную форму состязательного процесса – активные и равноправные стороны представляют суду свои выводы об обстоятельствах совершения преступления. Взяв состязательность за основу уголовной процедуры в Республике Таджикистан, законодатель ее гарантировал, закрепив в ст. 20 УПК РТ положения о разделении функций в уголовном процессе, о нейтральном отношении суда к функциям сторон, а также о равноправии сторон. Равноправие сторон, закрепленное в ст. 15 УПК РФ и в ч. 3 ст. 20 УПК РТ, является необходимым условием приближения к достижению идеи состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

Уголовно-процессуальный кодекс впервые разграничил процессуальные функции стороны обвинения, стороны защиты и полномочия суда. В настоящее время идея разделения уголовно-процессуальных функций, в соответствии с принципом состязательности, которая ранее часто отвергалась, находить поддержку многими видными процессуалистами, которым удалось исследовать данную проблематику. Одни авторы предлагают четко разделить уголовно-процессуальные функции и распространить принцип состязательности на весь уголовный процесс, другие считают, что в условиях современного Таджикистана состязательное построение уголовного судопроизводства невозможно как в досудебном производстве, так и в судебном. Определенные авторы предлагают обратиться к опыту западных стран и закрепить в УПК РТ правила, свойственные не только континентальной системе права, но и англосаксонской [1, с.25]. Есть мнения, согласно которым Таджикистан должен искать свой путь, поскольку западные правила просто неприемлемы для национального правоприменителя [2, с.41-42].

Принцип состязательности означает прежде всего: 1) разграничение функций обвинения (уголовного преследования) и защиты и возложение этих функций на стороны обвинения и защиты соответственно; 2) отделение функции разрешения дела (правосудия) от функций обвинения и защиты; 3) процессуальное равноправие сторон. В этих целях УПК РФ обозначил круг участников процесса, выполняющих функцию обвинения (гл. 6), функцию защиты (гл. 7) и возложил на суд исключительно функцию правосудия (гл. 5). В то же время следует иметь в виду, что КС РФ в своем постановлении от 29 июня 2004 г. N 13-П указал, что положения ч. 2 статьи 15 УПК РФ в их конституционно-правовом смысле не освобождают должностных лиц государственных органов - участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения - от выполнения при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, иного ограничения прав и свобод [3, с.32].

Решение задач уголовного судопроизводства во всех его стадиях во многом зависит не только от качества работы лица, производящего расследование, но и от степени активности сторон по участию в доказывании. Данное положение закреплено в государственной программе судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан, которая указала важнейшие моменты развития демократических начал уголовного судопроизводства, в том числе и на необходимость расширения состязательности и равноправия сторон.

Уголовно-процессуальная деятельность – это система процессуальных действий, которые имеют определенные направления, уголовно-процессуальные функции, связанные с специальным назначением и ролью в уголовном судопроизводстве каждого из его участников. Определенное время термин «функция» был термином исключительно теоретическим. Исследователи неоднократно подвергали критике законодателя за нерешительность в вопросах определения уголовно-процессуальных функций на уровне нормативных актов.

Принятый 03 декабря 2009 года Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан [4] употребляет термин «уголовно-процессуальные функции». Так, в ст.ст. 6, 20 УПК РТ, раскрывая принцип состязательности сторон, исходя из публичных и частных интересов законодатель указывает, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ [5, с.6] также обозначил термин «функция» (правда, только в одном случае и к тому же не в основном тексте, а лишь в разделе, посвященном разработке концепции модельного Уголовно-процессуального кодекса). Использование в п. 21 ст. 10 МУПК таких терминов как «уголовное преследование», «защита», «стороны» позволяет сделать вывод о том, что, законодатель прямо не употребил термин «уголовно-процессуальная функция», но все же его подразумевает. По мнению З.З. Зинатуллина и Т.З. Зинатуллина, уголовно-процессуальные функции имеют следующие свойства: а) функция есть урегулированная законом процессуальная деятельность; б) функция осуществляется участниками уголовного процесса - представителями либо со стороны обвинения, либо со стороны защиты от обвинения; в) это деятельность направлена на достижение предназначения уголовного судопроизводства [6, 11].

Чаще всего под уголовно-процессуальными функциями ученые понимали основные направления процессуальной деятельности [7, с.10]. Так, М.С.Строгович определял процессуальные функции в следующей форме: «Уголовно-процессуальные функции - это определенные стороны, определенные направления деятельности, не совпадающие друг с другом и не поглощаемые друг другом» [8, с.15].

Сторонники такого толкования исходили из наличия в уголовном судопроизводстве трех основных уголовно-процессуальных функций: обвинения (уголовного преследования), защиты, разрешения дела. Такой подход традиционен, поскольку для выделения названных функций используется составительная конструкция уголовного процесса.

Следует отметить, что ранее ученые, характеризуя уголовно-процессуальные функции, особый акцент делали на процессуальном положении должностных лиц органов государственной власти. Руководящее, а значит, и первостепенное положение всегда отдавалось должностным лицам. Такая позиция ученых вполне объяснима, поскольку УПК не только Республики Таджикистан, но других союзных республик до 90-х годов XX в. был ориентирован на защиту государственно-публичных интересов при полном игнорировании диспозитивных начал. При таком подходе речи о защите интересов граждан не могло и идти.

Сегодня законодатель назначением уголовного судопроизводства видит: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту

личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; 3) уголовное преследование, привлечение к уголовной ответственности только виновных лиц и назначение только виновным справедливого наказания; 4) отказ от уголовного преследования невиновных, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Нетрудно заметить, что, в сущности, это всего лишь две задачи: а) восстановление прав лиц, пострадавших от преступлений; б) защита лица от незаконного и необоснованного обвинения.

Поскольку новым УПК РТ приоритеты изменены, то, стало быть, определяющими при характеристике направлений процессуальной деятельности должны быть именно те задачи, которые закреплены в ст. 2 УПК РТ. Именно эти задачи лежат в основе распределения уголовно-процессуальных функций.

В этой связи хотелось бы отметить, что при выделении уголовно-процессуальных функций в основе деления, скорее всего, не должна лежать цель деятельности или задачи каждого лица. Если существование уголовно-процессуальных функций будет зависеть от цели деятельности каждого участника судопроизводства, то вполне возможна ситуация, когда каждому участнику будет «выделена» только ему свойственная функция. При этом, количество процессуальных функций будет устремлено к количеству участников уголовного процесса.

Такое положение подтверждается, если проанализировать взгляды ученых, которые объясняют наличие уголовно-процессуальных функций через роль конкретных участников уголовного процесса [9, с.15]. Именно им свойственно количественное увеличение уголовно-процессуальных функций. Например, В.Н. Шпилев так обосновывал необходимость количественного увеличения уголовно-процессуальных функций: «Поскольку теория трех основных процессуальных функций не в полной мере отражает содержание уголовно-процессуальной деятельности, где каждый участник процесса выполняет определенную функцию и действует в определенном направлении, предусмотренном законом, ...предприняты попытки сконструировать более широкую систему процессуальных функций» [10, с.15]. Как видим, здесь на первое место выходит стремление автора в обязательном порядке закрепить за каждым участником осуществление конкретной и только ему свойственной уголовно-процессуальной функции.

Следуя подобным рассуждениям, некоторые процессуалисты к трем основным функциям присоединяют еще расследование дела,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

поддержание гражданского иска и защиту от гражданского иска [11, с.13].

Кроме того, обосновывается наличие в уголовном процессе семи процессуальных функций: 1) установление и проверка данных относительно преступлений, их расследование; 2) обвинение; 3) прокурорский надзор за исполнением законности; 4) защита от предъявленного обвинения; 5) судебное рассмотрение и разрешение уголовного дела; 6) вспомогательная функция, включающая в себя действия свидетелей, экспертов, других лиц, так или иначе содействующих осуществлению следственных и судебных действий; 7) побочная функция, находящая свое выражение в деятельности гражданского истца и гражданского ответчика [12, с.57].

В свое время В.Г. Даев также предложил классификацию функций, вытекающую из наличия интересов лиц, участвующих в уголовном процессе. Он выделял: 1) расследование уголовного дела; 2) прокурорский надзор за соблюдением законности в ходе уголовного судопроизводства; 3) защита личных процессуальных интересов; 4) оказание содействия в ходе уголовного судопроизводства [13]. В.С. Зеленецкий предлагал делить процессуальные функции на общие и частные, то есть на функции, реализующиеся на всем протяжении уголовного процесса, и функции, осуществляющиеся в одной или нескольких стадиях процесса. Вероятно, автор здесь допустил смешение понятий «задачи» и «функции» [14, с.60]. Громов Н.А обосновывает мнение о различии основных и дополнительных уголовно-процессуальных функций [15, с.72].

Думается, стремление определить уголовно-процессуальные функции через роль участников процесса должно быть ограничено анализом роли и интереса некой совокупности участников, распределенных в отдельные группы.

Уголовно-процессуальная функция должна представлять собой направление деятельности группы участников. Иное приведет к неоправданному расширению перечня уголовно-процессуальных функций. Косвенным подтверждением нашей мысли является мнение А.М. Ларина, который считал, что «если исходить только из наличия процессуально-правовой цели, то можно насчитать столько функций, сколько существует процессуальных актов» [16, с.57]. Действительно, совершая любое действие или вынося любое решение, участник преследует какую-либо конкретную цель. Поэтому А.М. Ларин делает вывод: «Функция - это не отдельное действие, а деятельность, т.е. совокупность действий и решений, объединенных единством цели» [17; 18; 19; 20]. При этом, дискуссионными остаются некоторые вопросы. В скольких

действиях лица должен проследиваться единый интерес, чтобы мы могли говорить о наличии самостоятельной уголовно-процессуальной функции? Насколько едина должна быть цель для различных участников?

Несомненно, различные участники уголовного судопроизводства преследуют различные цели и у них различные интересы. Однако, наверное, это не может служить основанием для классификации уголовно-процессуальных функций. С точки зрения логики, не совсем правильно, взяв за основу интерес участников, классифицировать что-то иное кроме самих участников. Классифицировать уголовно-процессуальные функции в зависимости от присутствующих у участников уголовного судопроизводства интересов, значит, совершить логическую ошибку.

В зависимости от присутствующего у участников интереса, возможно только разделить участников на некие не схожие между собой группы. Эти группы и принято называть сторонами. В итоге получается, что деление на группы происходит в зависимости от присутствующего у участников процесса.

Так в п. 21 ст. 6 УПК РТ стороны определяются как - участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения; пункт 20 ст. 6 УПК РТ к стороне защиты относит - обвиняемого, а также его законного представителя, защитника, гражданского ответчика, его законного представителя и представителя; а пункт 19 ст. 6 УПК РТ представляет сторону обвинения в качестве прокурора, следователя, начальника следственного отдела, дознавателя, частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя. При этом, каждая из этих обособленных групп осуществляет отдельную, только ей свойственную уголовно-процессуальную функцию.

Таким образом, расширение состязательных начал в уголовном судопроизводстве, укрепление диспозитивности, уважение чести и достоинства личности, в связи с принятием нового УПК РТ, заставляют нас по-новому взглянуть на процесс реформирования уголовно-процессуального законодательства. Поэтому любая демократическая правовая реформа лишь в том случае будет иметь смысл и положительный результат, если предварительно суть предмета реформирования подвергнуть теоретическому осмыслению, изучить и оценить практику пребывания его в дореформенном состоянии, наметить возможные пути преобразование и выбрать из них единственный, в наибольшей

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

степени соответствующий социальным потребностям современному состоянию общественных отношений и перспективам их развития.

Кроме того, особое место занимает сегодня институт частного обвинения, который в УПК РФ и УПК РТ принудительно ограничивается рамками производства по делам частного обвинения, что не может быть признано оправданным, если учесть происходящие демократические преобразования в стране. Вполне закономерно напрашивается необходимость расширения института частного обвинения и распространение его на производство по многим категориям уголовных дел. Законом должна быть предусмотрена возможность для отстаивания потерпевшим своей позиции, если даже эта позиция чем-то отличается от позиции прокурора.

Естественно, что не все потерпевшие пожелают возложить на себе бремя частного обвинителя, но лицам, желающим действовать в уголовном процессе активно, подобная возможность должна быть все-таки предоставлена. Чем более открытым будет наше общество, чем больше его членов будут проявлять активность и инициативу, тем в большем противоречии будут находиться желания потерпевших и объем свободы, предоставленный им действующим законодательством. Сегодня мы

имеем реальную возможность оказать содействие развитию частной инициативы. И очень важно не упустить этот момент.

Изучение характера взаимосвязи процессуальных функций и их носителей должно базироваться на применении метода структурно-функционального анализа. Он предполагает появление и существование элемента системы в свете выполняемой им функции. Из этого следует, что функции первичны по отношению к элементам, которые эти функции реализуют. Поэтому процессуальная функция не определяется ролью и назначением соответствующего участника уголовного процесса. Напротив, наличие функции обуславливает необходимость появления того или иного участника процесса.

Вывод

Процессуальные функции и их субъекты — носители этих функций — являются структурными элементами уголовно-процессуальной деятельности как системы, находящимися во взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимодействии. Следовательно, природа и характер процессуальных функций определяются содержанием уголовно-процессуальной деятельности, которое отличается неоднородностью.

References:

1. Kurbonov, R.Z. (2010). *Judicial form of protection of the rights and freedoms of citizens in the criminal process of the Republic of Tajikistan*. (p.25). Khujand.
2. Kholikov, A.G. (2005). *On westernization and continuity in lawmaking. Report at a seminar at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*. (pp.41-42). Dushanbe.
3. (2004). *Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*: edited by D.N. Kozak, E.B. Mizulina. The 2nd edition. Revised and enlarged. (p.32). Moscow: Jurist.
4. (2010). *Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan dated December 03, 2009*. (Entered into force on April 01, 2010). *Bulletin of the Majlisi Oli RT*. Dushanbe. №15.
5. (1996). *Model Code of Criminal Procedure for the CIS member states*. (p.6). Moscow: Yurayt.
6. Zinatullin, 3.3., & Zinatullin, T.Z. (2002). *Criminal procedural functions*. (p.11). Izhevsk.
7. Nazhimov, V.P. (1973). On the criminal procedural functions. *Jurisprudence*, # 5, pp.73-78.
8. Yakub, M.L. (1973). On the concept of a procedural function in Soviet criminal justice. *Jurisprudence*, #5, pp. 85-90.
9. Motovilovker, Ya.O. (1976). *Basic criminal procedural functions*. (pp.5-23). Yaroslavl.
10. Strogovich, M.S. (1951). *Criminal prosecution in the Soviet criminal process*. (p.15). Moscow: Gos.izdat.
11. Kakhorov, N.M. (2019). *Competitiveness in criminal proceedings of the Republic of Tajikistan: legal aspect*. (pp.13-14). Khujand: Khuroson.
12. Shpilev, V.N. (1974). *The content and forms of criminal proceedings*. (p.57). Minsk.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 8.771
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

13. Rakhunov, R.D. (1961). *Participants in criminal procedure activities under Soviet law*. (pp.47-48). Moscow.
14. Elkind, P.S. (1963). *The essence of Soviet criminal procedure law*. (pp. 59-69). Leningrad.
15. Daev, V.G. (1974). Procedural functions and the principle of competitiveness in criminal proceedings. *Jurisprudence*, #1, pp. 72-78.
16. Zelenetsky, V.S. (1979). *Initiation of public prosecution in the Soviet criminal process*. (p.57). Kharkov: Higher school.
17. Gromov, N.A. (1998). *Criminal trial in Russia*. (p.13). Moscow: Jurist.
18. Larin, A.M. (1986). *Criminal investigation: procedural functions*. (p.5). Moscow: Juridical literature.
19. Rashidova, D.A., & Ashrapov, B.P. (2022). The Leader of the Nation Emomali Rahmon's Contribution into Enactment of Programme of Foreign Languages. *Herald of the Pedagogical University*, No. 3(98), pp.85-88.
20. Ashrapov, B.P., & Dodokhojaeva P.I. (2021). On the issue concerned with communicative competence of students of foreign languages faculties. *Obrazovanie ot "A" do "Ja"*, # 3, pp. 5-6.